

УДК 902+572
ББК 63.4+28.71
В76

Номер затверджено на засіданні Вченої ради історичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка 26 грудня 2002 р. (протокол №4).

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

д-р іст. наук, проф. Гладких М.І. (головний редактор)
канд. іст. наук, ст. наук. співроб. Піоро І.С. (відповідальний редактор)
д-р іст. наук, проф. Залізняк Л.Л.
д-р іст. наук, проф. Крижанівський О.П.
д-р іст. наук, проф. Борисенко В.К.
д-р іст. наук, проф. Моця О.П.
співробітник НДЧ Зеленко С.М. (відповідальний секретар)

РЕЦЕНЗЕНТИ:

д-р іст. наук, проф. Зубар В.М.
д-р іст. наук, проф. Рубель В.О.

В 79 VITA ANTIQUA. Збірка наукових статей №5-6. – К.: ВПЦ "Київський університет", 2003. – 232 с.

Збірка присвячена пам'яті М.М.Бондаря, доктора історичних наук, професора, з 1971 до 1987 р. – завідувача кафедри археології та музеєзнавства Київського національного університету імені Тараса Шевченка. До збірки включено статті як провідних фахівців, так і молодих науковців, що досліджують актуальні проблеми археології та історії України.

Засновник

Товариство археології та антропології

Адреса редакції:

01601, м. Київ, вул. Володимирська, 64, ауд. 164.

Ресстраційне свідоцтво КІ № 350, видане 8 лютого 1999 р.
Міністерством інформації України

В.С.Аксенов, В.К.Михеев
ПОГРЕБЕНИЯ
С КРЫМСКОЙ ПОСУДОЙ
МОГИЛЬНИКА
САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КРАСНАЯ ГОРКА

Abstract

The work is introducing to scientific use the data on burial complexes with the Crimean pottery which were discovered on the Saltov culture Krasnaya Gorka biritual cemetery in the Kharkiv region. According to the material evidence all burials can be dated to the end of the VIII-th – the third quarter of the IX-th century.

Большинство исследователей, занимавшихся изучением салтовских древностей, в той или иной степени рассматривали вопрос их внутренней хронологии. Для этого привлекался многочисленный инвентарь погребальных памятников, в том числе и широко представленный керамический комплекс. Но роль керамики как узкого хронологического показателя остается все же незначительной, в сравнении с уже давно и плодотворно используемыми для этих целей поясной гарнитурой и другими предметами, хронологии которых относительно хорошо разработана. Широко распространенное мнение, что столовые и кухонные сосуды, в отличие от тарной посуды, имели весьма узкие рамки сбыта, не способствовало привлечению отдельных находок крымской столовой керамики для решения вопросов хронологии салтовских памятников лесостепи Восточной Европы. К тому же находки керамики крымско-византийского типа не носили массового характера [Плетнева, 1967, с.116]. Тем больший интерес вызывают обнаруженные на могильнике Красная Горка (Харьковская область, Балаклейский район) погребения, содержащие крымскую посуду. Благодаря этим находкам, как нам представляется, появилась возможность проверить и уточнить датировку некоторых лесостепных салтовских древностей. Ознакомлению с материалами захоронений могильника Красная Горка, содержащими керамику крымско-византийского облика и посвящена настоящая работа.

Биритуальный могильник Красная Горка с 1984 по 1994 гг. исследовался Средневековой археологической экспедицией Харьковского университета под руководством В.К. Михеева. За этот период на могильнике столовая посуда крымского производства была обнаружена в 16 из 189 захоронений по обряду трупоположения. Еще в одном погребении находилась керамическая двуручная фляга, местом изготовления

которой принято считать один из центров керамического производства Крыма или Тамани. Характеристика погребального обряда данных захоронений представлена в таблице 1.

Как видно из таблицы данные захоронения существенно отличаются от классических "зливкинского" типа погребений салтовской культуры [Плетнева, 1981, с.9]. Захоронения произведены в грунтовых ямах прямоугольной в плане формы с несколько закругленными углами. Глубина могильных ям в некоторых случаях достигает 1, 5-2, 0 м. В исследуемых погребениях, за исключением погр.№76, были зафиксированы остатки деревянных конструкций в виде гробов-рам (Рис.3, 11, 19), гробов-ящиков (Рис.1, 1, 23; 2, 6, 19, 29; 3, 1, 28; 4, 1, 25; 5, 1, 24; 6, 1), перекрытий из уложенных поперек ям деревянных плах, покоившихся на заплечиках, сделанных в продольных стенках могильной ямы (Рис.1, 13; 2, 1). Костяки погребенных лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад с незначительными сезонными отклонениями к югу. Исключением является погр.№ 141, где умершая была ориентирована головой на восток с сезонным отклонением к северу. Руки в большинстве случаев были согнуты в локтях так, что кисти рук располагались в области живота. Ноги прямые, в 11 случаях они скрещены в голеностопе (табл.1), что указывает на связывание ног умершим при погребении. В данных погребениях отмечены и более масштабные следы проявления обряда обезвреживания покойника. Так, в погр.№ 219/к-19 при проникновении в могилу у погребенного была преднамеренно разрушена грудная клетка (Рис.6, 1). При этом, вероятно, была изъята сабля, однако в могильной яме была оставлена деревянная рукоять с железным навершием в виде неглубокого стаканчика (Рис.6, 10).

№ погреб.	Сосуды		Крымские				Салтовские	
	в головах	в ногах	ойнохое	кувшин	горшок	фляга	кружка	кубышка
-								
30		+	+					
41	+		+					
68	+	+	+					
76		+	+					
89	+			+				
141	+	+	+					+
161		+		+	+			
192		+	+	+				
204		+		+				
205	+				+			
207		+				+		
297		+		+				
77/к3		+	+				+	
70/к5		+	+				+	
103/к7		+	+				+	
150/к13		+	+				+	
219/к20	+	+	+					+

№ погребения	Размеры ямы			Внутпримогильная конструкция				Ориентировка
	длина	ширина	глубина	простая яма	гроб-ящик	гроб-рама	дер. перек.	
-								-
30	2,05	0,55	1,45		+			ЮЗ
41	1,8	0,7	0,45				+	ЮЗ
68	2,18	0,64	0,44		+			ЮЗ
76	2,18	0,6	0,9	+				ЮЗ
89	2,25	0,85	0,85				+	ЮЗ
141	1,8	0,7	1,7		+			ЮЗ
161	2,1	0,5	1,5		+			ЮЗ
192	2	0,55*	1,1			+		ЮЗ
204	1,3	0,6	1,5		+			ЮЗ
205	1,4	0,55	1,2		+			ЮЗ
207	2,4	0,7	1,85		+			ЮЗ
297	1,9	0,7	1,05			+		ЮЗ
77/к5	4,12	0,4-0,75	2,1		+			ЮЗ
70/к5	3,5	0,85-1,1	1,1		+			ЮЗ
103/к7	2,97	0,6	1,8		+			ЮЗ
150/к13	2,5	1,3	1,5		+			ЮЗ
219/к20	2,7	1,49	1,5		+			ЮЗ

№ погр.	Руки погребенного		Ноги погребенного	
	вытянут.	согнут.	вытянут.	перекрещ.
-				
30		+		+
41				+
68		+		+
76		+		+
89		+		+
141		+		+
161		+		+
192			*	
204				
205				
207		+	+	
297			+	
77/к5		+		+
70/к5		+	+	
103/к7		+		+
150/к13	+			+
219/к20		+		+

Таблица 1.

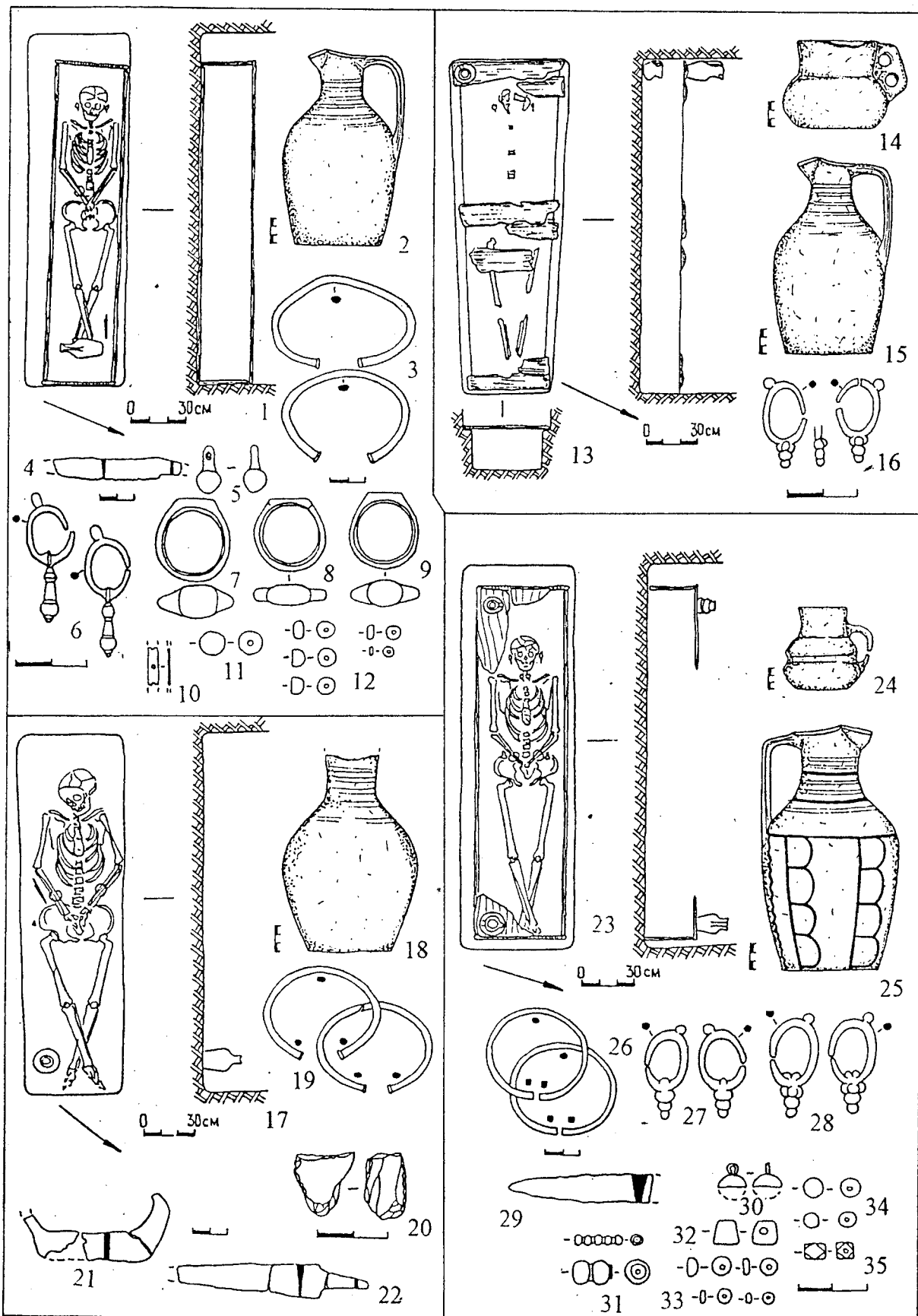

Рис. 1. 1-12 – погр.№30; 13-16 – погр.№41; 17-22 – погр.№76; 23-35 – погр.№68.

Над разрушенной грудной клеткой погребенного, в засыпке могильной ямы, были найдены: отбитое горло салтовского лощеного ку-

вшина (на глубине 0, 6 м от поверхности почвы), еще ниже – панцирь черепахи и железное перекрестие сабли (Рис.6, 8). На то, что в дан-

ном случае мы имеем дело не с ограблением могилы, а с ритуальными действиями, указывает не только состав погребального инвентаря, но и обряд преднамеренного помещения панцирей черепах в захоронения салтовских и аварских воинов-всадников [Плетнева, 1989, с.196, рис.101; Симонова, 1976, с.262].

Поскольку антропологические исследования не проводились в виду плохой сохранности костных останков, то только состав погребального инвентаря позволяет связать 8 погребений с захоронениями мужчин (№№70/к-5, 76, 77/к-3, 89, 103/к-7, 150/к-13, 207, 219/к-20). Остальные погребения принадлежат женщинам и детям. Пятеро мужчин были захоронены в сопровождении верхового коня, в 7 из 8 мужских захоронений были встречены предметы вооружения.

Керамические сосуды в данных захоронениях располагались, как правило, в ногах погребенных и лишь только в трех случаях они были поставлены возле головы покойника (табл.1). Еще в трех погребениях сосуды одновременно были обнаружены и в ногах, и у головы погребенных (Рис.1, 23; 3, 1; 6, 1). При этом сосуды могли находиться как внутри деревянных могильных сооружений, так и за их пределами, например, были поставлены на крышку гроба (Рис.1, 13, 23; 4, 1; 5, 1).

Особый интерес представляет соотношение в данных захоронениях крымских сосудов с сосудами местного производства. Так, в шести погребениях (№№30, 76, 89, 204, 205, 297), принадлежавшим в основном женщинам, подросткам и детям, найдено только по одному крымскому столовому сосуду, еще в двух (№№161, 192) – по два импортных сосуда. В восьми захоронениях, среди которых преобладают погребения мужчин-воинов в сопровождении коней, крымские сосуды дополнялись типичными салтовскими кружками (№№41, 68, 70/к-5, 77/к-3, 103/к-7, 150/к-13) или кубышками (№№141, 219/к-20). Показательно, что в двух захоронениях с двумя керамическими сосудами (женском – №141 и мужском – 150/к-13) находились еще и металлические сосуды – котлы (Рис.3, 1; 5, 24). Это позволяет считать погребенных в них людей стоящими при жизни, как минимум, во главе малых общественных групп, родов, больших семей. В погребении №207 единственным керамическим сосудом была глиняная двуручная фляга (Рис.3, 28, 29). Кувшины-ойнохои, как преобладающий тип импортной посуды в данных захоронениях, в одинаковой степени характерны как для мужских, так и для женских захоронений, чего нельзя сказать о горшочке с ручкой, небольших кувшинчиках в силу их малочисленности.

Импортные сосуды из исследуемых захоронений изготовлены из тщательно отмученного теста амфорного типа. Обжиг сосудов очень качественный, цвет желтый или оранжевый. Все сосуды изготовлены на быстровращающемся гончарном круге. На дне сосудов видны следы от снятия их с круга путем срезания основы нитью. В месте перехода ручки в венчик у столовых сосудов одиночные пальцевые вдавления – прилепы, внизу ручка плавно переходит в тулово. Детальное описание сосудов из захоронений могильника Красная Горка, и аналогии им приведены в другой нашей работе [Аксенов, Михеев, 1998, с.345-347]. На данный момент круг аналогий столовым сосудам из Крыма на салтовских памятниках Подонечья можно немного расширить. Фрагменты крымских кувшинов-ойнохой высотой 23-27, 5 см обнаружены в засыпке захоронения по обряду кремации №19 того же могильника Красная Горка в двух из трех кремационных захоронениях могильника Лысый Горб [Аксенов, Воловик, 1999, с.39]. Сосуд, аналогичный небольшим столовым кувшинчикам из могильника Красная Горка, обнаружен в катакомбе №53 Верхнесалтовского IV катакомбного могильника. Появление крымской столовой посуды в погребениях Подонечья мы склонны относить ко второй половине VIII – началу IX вв. [Аксенов, Михеев, 1998, с.350, 353].

Собственно салтовская керамика представлена кружками (Рис.1, 14, 24; 4, 2, 26; 5, 3, 25) и кубышками (Рис.3, 2; 6, 2). Вся она характеризуется формами, хорошо известными по памятникам лесостепного и степного вариантов салтовской культуры [Плетнева, 1967, с.116, 117]. Исключение составляет кружка из погребения № 68 (Рис.1, 24). Аналоги ей нам не известны. В целом для исследуемых погребений характерен достаточно высокий процент встречаемости кружек. В тех захоронениях, где они не были найдены, их, по-видимому, заменяли аналогичные по назначению крымские горшочки с петлеводной ручкой (Рис.2, 7, 20).

Предметы вооружения были обнаружены в восьми погребениях. В двух захоронениях (№№150/к-13, 207) были найдены сабли (Рис.3, 34; 5, 29). Они характеризуются слабой кривизной и однолезвийностью. Общая длина сабель достигает 0, 95-0, 98 м при ширине клинка у рукояти около 3, 5 см. Основание рукоятей сабель брусковидное, выкованное вместе с клинками, и имеет незначительный наклон в сторону режущей кромки лезвия. Из погребения № 219/к-19 происходит брусковидное перекрестие с прямыми концами (Рис.6, 8) и остатки деревянной рукояти с навершием в виде неглубоко-

го стаканчика, фрагменты оковок ножен (Рис.6, 9, 10). Принимая во внимание незначительные размеры клинков наших сабель, их слабую кри-

визну, тип перекрестий данные сабли могут быть датированы второй половиной VIII – первой половиной IX вв. [Измайлов, 1989, с.109].

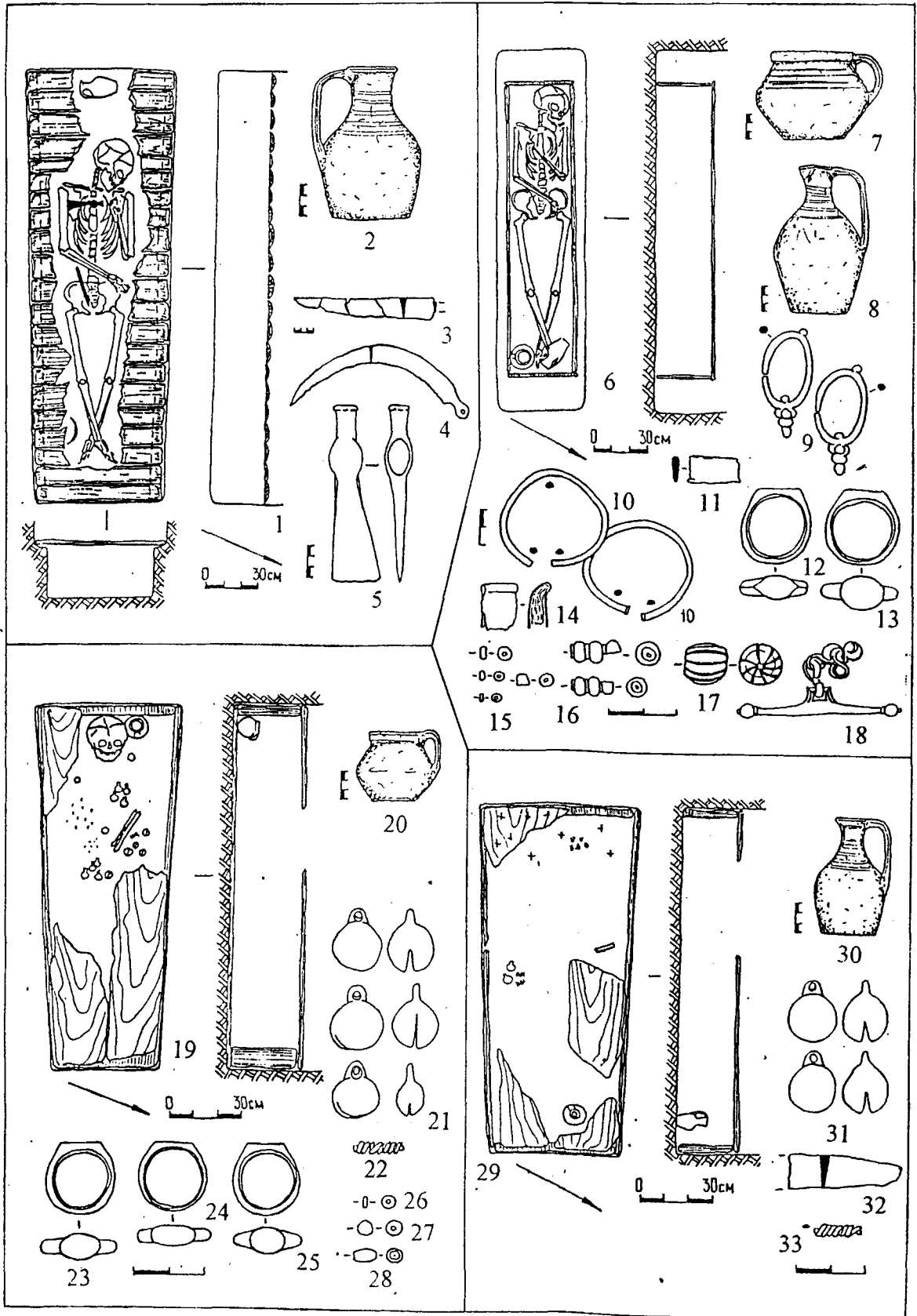

Рис. 2. 1-5 – погр.№89; 6-18 – погр.№161; 19-28 – погр.№205; 29-33 – погр.№204.

Наконечники копий встречены в погребениях №№103/к-7, 150/к-13, 207, 219/к-20 (Рис.3, 33; 5, 11, 30, 33; 6, 6). В погребении №150/к-13 их было два. Все наконечники втульчатые. По форме и сечению пера они относятся к следующим отделам: с узким ромбическим в сечении пером – пики (Рис.3, 33; 5, 11, 30; 6, 6) и с широким листовидным, в сечении которого заметен переход от плоских лопастей к округлой втулке (Рис.5, 33). Длина пик колеблется в пределах 22-30 см. В месте перехода от втулки к лезвию имеется более или менее ярко выраженный выступ. Наконечники из погребений №№ 103/к-7, 219/к-20 для закрепления на древке имеют специальную петельку на обжимающем основании втулки ободке. Наконечники подобного типа датируются VIII-X вв. [Кирпичников, 1966, с.16]. Наконечники, подобные найденному в погр.№150/к-13, известны по находкам в могильниках с обрядом трупосожжения в бассейне Северского Донца, где они также сопровождаются пиками [Михеев, 1986, рис.7, 15].

Из трех захоронений происходят топоры, которые имеют небольшие размеры и малый вес и, следовательно, относятся к разряду боевых. Форма лезвия у них различная, что позволяет отнести их к разным типам. Из погр.№ 77/к-3 происходит топор-чекан с оттянутым в сторону рукояти лезвием, образующим как бы уступ (Рис.4, 13). Топоры данного типа во второй половине VIII-XI вв. получили очень широкое распространение в Восточной Европе, встречаясь на Северном Кавказе, в Прикамье, Поволжье, Подонье [Тарабанов, 1983, рис.1, 15; Казаков, 1971, табл.VII, 8; Флеров, 1990, рис.18, 1]. Однако, по мнению ряда исследователей, топоры данного типа с невысоким уступом на широком лезвии больше характерны для памятников датируемых не ранее второй половины – конца IX в. [Крыганов, 1987, с.86]. Топоры с двумя выступами на лезвии, как топор из погр.№ 150/к-13 (Рис.5, 31), характерны для раннесредневековых древностей Северного Кавказа [Минаева, 1971, рис.6, 1]. По материалам Подонья подобные топоры-чеканы датируются серединой IX в. [Крыганов, 1987, с.87]. В погр.№89 был найден топор-чекан с треугольным лезвием (Рис.2, 5). Топоры данного типа в VIII-IX вв. бытуют по всей Восточной Европе от Башкирии до Панонии.

В погребениях представлен еще один вид ударного оружия – кистени. Гирьки кистеней обнаружены в четырех захоронениях. Гирьки из погр.№№192, 207 относятся, соответственно, к группе свинцовых и бронзовых (Рис.3, 18, 44), а из погр.№№70/к-5, 103/к-7 – к группе железных (Рис.4, 42; 5, 9). Датируются они VIII-X вв. [Крыганов, 1987а, с.66].

Оружие дальнего боя, представленное железными наконечниками стрел, остатками колчанов и луков, обнаружено в пяти захоронениях (№№70/к-5, 77/к-3, 103/к-7, 150/к-13, 207). Все обнаруженные наконечники стрел черенковые. По сечению пера они относятся, в основном, к группе трехлопастных (Рис.3, 35; 4, 10, 39, 41; 5, 7, 8, 35). Граненые и плоские наконечники стрел найдены только в погр.№ 77/к-3, 70/к-5 соответственно (Рис.4, 11, 40). Все представленные в погребениях типы наконечников стрел характерны для древностей Юго-Восточной Европы на протяжении VII-X вв.

В погр.№103/к-7 были обнаружены остатки колчана, по которым удалось проследить, что он относится к разновидности колчанов с так называемым карманом (Рис.5, 6). От тулова сохранился лишь верх – приемник, с наконечниками стрел. Верх кармана и его торцевые края были обложены накладками из толстой (1-2 мм) жесткой кожи, закрепленной бронзовыми скобками. Тулово в наиболее узкой его части, у основания кармана, с внешней стороны охватывала широкая (до 3 см) костяная пластина, прибитая железными скобами. Внутренняя часть колчана была оклеена тонкой (до 0,5 мм) эластичной кожаной обивкой. Стрелы были уложены наконечниками вверх. Подобные колчаны известны по изображениям [Альбаум, 1975, рис.17, 18] и многочисленным находкам в памятниках второй половины I тыс. н. э. [Худяков, 1986, с.217]. Аналогичные колчаны хорошо представлены в аварских и венгерских древностях [Кюрти, 1984, рис.4], в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа [Каминский, 1986, рис.3].

В других погребениях от колчанов были обнаружены скобы, колчаные крюки. В погр.№№70/к-5, 207 колчаные скобы представлены двумя, симметрично расположенными, округлыми или листовидными зажимами (Рис.3, 42, 43; 4, 31, 32). Более или менее близкие им аналогии известны в Сухогомольшанском могильнике, в могильниках Северного Кавказа датируемых концом VIII-X вв. [Михеев, 1985, рис.10, 26; Абрамова, 1982, рис.9, 6].

Колчанный крючок найден в погр.№77/к-3. Он принадлежит к отделу пластинчатых, имеет щиток ромбической формы (Рис.4, 12). Аналогии ему известны на многих могильниках салтовской культуры.

В погр.№150/к-13 были обнаружены костяные накладки от лука. Особое внимание привлекают концевые фронтальные накладки (Рис.5, 34). Подобные накладки в лесостепном Подонье встречаются, за редким исключением, только в аланских катакомбных захоронениях [Плетнева, 1989, рис.32; Флеров, 1990, рис.164, 5].

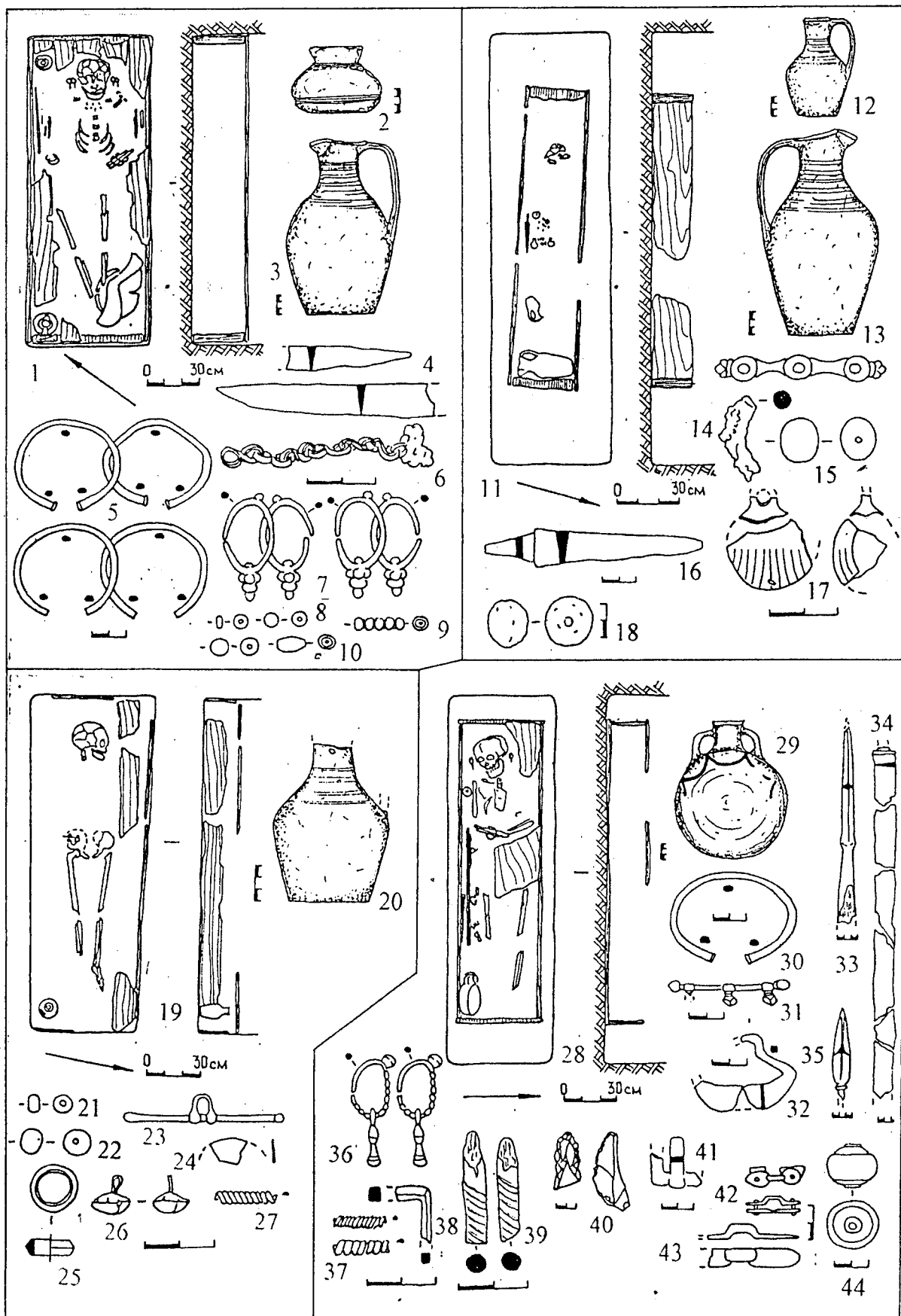

Рис.3. 1-10 – погр.№141; 11-18 – погр.№192; 19-27 – погр.№297; 28-44 – погр.№207.

Конская сбруя представлена стременами и удилами. Все обнаруженные стремена относятся

к так называемому "салтовскому" типу, и имеют высокие пластинчатые петли с более или менее

выраженным перехватом, высокие арочные корпуса, вогнутые во внутрь узкие подножки с одним жгутом (Рис.4, 4, 29; 5, 4, 27; 6, 4). Стремена данного типа получили наибольшее распространение в VII-IX вв. на огромной территории от Саяно-Алтая до Венгрии и Чехии [Кирпичников, 1973, с.49]. Удила, найденные в погребениях, – железные, двусоставные с псалиями. Псалии из

погр.№№77/к-3, 70/к-5 относятся к типу гвоздевидных (Рис.4, 5, 28), из погр.№№150/к-13, 219/к-20 – к типу S-видных (Рис.5, 28; 6, 5). И те, и другие широко представлены на памятниках салтовской культуры и датируются VIII-X вв. Однако S-видные псалии в Подонье больше характерны для комплексов датируемых не позже конца IX в. [Крыганов, 1989, с.100].

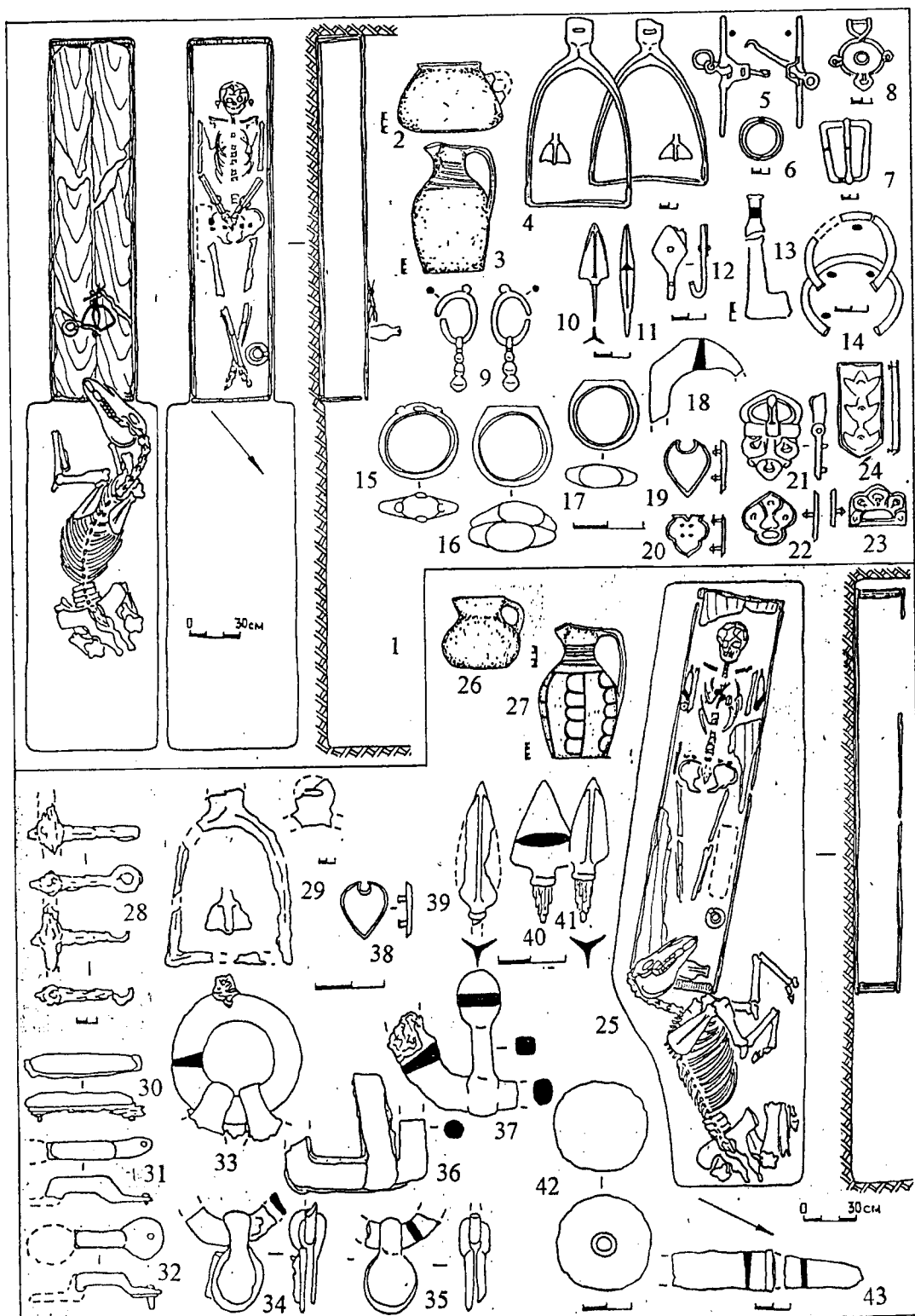

Рис. 4. 1-24 – погр.№77/к-3; 25-43 – погр.№70/к-5.

Элементами конской узды являются также железные соединители ремней, обнаруженные в погр.№70/к-5 (Рис.4, 33-35). Соединители представляют собой кольцо небольшого диаметра с тремя пластинчатыми скрепами. Соединители этого типа широко распространены в кочевнических древностях с начала средневековья. Их аналоги известны в Подонье, Поволжье, на Кавказе, в Дунайской Болгарии [Генинг, Халиков, 1964, табл.ХІІІ, 4; Дмитриев, 1979, рис.2, 10; Въжарова, 1976, обр.81, 3а, 3б].

К элементам конской узды относится бронзовый чумбурный блок, найденный в погр.№77/к-3. То, что подобные предметы не всегда служили подвеской к поясу, указывает факт обнаружения их в этом, и в других захоронениях данного могильника вместе с предметами конского снаряжения или на костях коня. Чумбурный блок представляет бронзовую пряжку жесткой конструкции, состоящую из прямоугольной рамки и округлого щитка с отверстием посередине (Рис.4, 8). Датируются подобные предметы концом VIII-началом X вв.

В исследуемых захоронениях встречены элементы поясной гарнитуры. Пряжки поясных наборов обнаружены в погр.№№77/к-3, 150/к-13, 219/к-20, 207. Бронзовые пряжки относятся к типу треугольнорамчатых литых со щитком в виде схематизированного трилистника (погр.№77/к-3, 150/к-13) (Рис.4, 21; 5, 41), или со щитком в виде рамки (погр.№219/к-20) (Рис.6, 11). Из погр.№№ 77/к-3, 207 происходят железные безщитковые пряжки с рамкой прямоугольной формы (Рис.3, 41; 4, 18). Бляшки поясных наборов представлены несколькими типами: литые сердцевидной формы с гладкой поверхностью (погр.№№70/к-5, 77/к-3) (Рис.4, 19, 38); литые фигурные в виде схематизированного трилистника (погр.№№77/к-3, 150/к-13) (Рис.4, 20; 5, 44, 45); литые сердцевидной формы со схематизированным трилистником по полю и небольшим неподвижным колечком (погр.№№77/к-3, 150/к-13) (Рис.4, 22; 5, 43); прямоугольные литые "рамочки" (погр.№150/к-13) (Рис.5, 42); литые в виде трехлепестковой пальметки, обрамляющей прямоугольное отверстие (погр.№77/к-3) (Рис.4, 23). Наконечники обнаружены только в двух захоронениях: литой с растительным орнаментом в виде мирового древа в погр.№77/к-3 (Рис.4, 24) и литой без орнамента с выделенным бордюром в погр.№150/к-13 (Рис.5, 46). В погр.№№103/к-7, 207 поясные наборы представлены разделителями на три ремешка (Рис.3, 31; 5, 14). Время бытования подобных разделителей – вторая половина VIII-IX вв., а ареал обширен – Север-

ский Донец, Нижний Дон, Кубань, Северный Кавказ, Крым, Волжская Болгария.

По поясным наборам данные захоронения датируются концом VIII – третьей четвертью IX вв. [Аксенов, 1999, с.123; Комар, 1999, табл.4, с.133].

Орудия труда представлены относительно немногочисленными предметами, преимущественно бытового назначения: ножами, кресалами, серпами. Ножи принадлежат к одному типу – с прямой спинкой и криволинейным лезвием (Рис.1, 4, 22, 29; 2, 3, 32; 3, 4, 16; 4, 43). Ножи, аналогичные найденным, были широко распространены в VIII – X вв. на территории от Урала до Венгрии [Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с.91]. В погр.№ 98 был обнаружен железный складной серп (Рис.2, 4). Подобные серпы хорошо известны по находкам в Подонье и Поволжье, на территории Северо-Западного Кавказа [Генинг, Халиков, 1964, табл.10, 9; Кухаренко, 1951, рис. 30; Саханев, 1914, табл.Ш, 20]. Датируются они очень широко – VII – X вв.

Редкой находкой для грунтовых могильников салтовской культуры является мотыжка, обнаруженная в погребении №103/к-7 (Рис.5, 20). Аналогичные изделия более характерны для аланских катакомбных могильников Подонья, чем для грунтовых захоронений региона.

Кресала встречены в погр.№№ 76, 103/к-7, 20, 210/к-20. Кресала в трёх случаях представлены S-видными металлическими пластинками с загнутыми во внутрь ушками (Рис.1, 21; 3, 32; 6, 12). Данный тип кресала был очень широко распространён в Восточной Европе и встречается на всём протяжении существования салтовской культуры. В погр.№103/к-7 обнаружено так называемые "кресало-щипчики" (Рис.5, 22). Аналогии им имеются в погребениях Нетайловского, Сухогомольшанского, Больше-Тархановского, Танкеевского могильников, могильника Дюрсо [Пархоменко, 1983, мал.3, 7-9; Михеев, 1985, рис.9, 16, 17; Генинг, Халиков, 1964, табл.Х, 3-5; Казаков, 1971, табл.VІІІ, 7; Дмитриев, 1979, рис.2, 19].

В одном мужском (№150/к-13) и одном женском (№141) погребениях были обнаружены металлические сосуды. По технике изготовления и по материалу они различны. Сосуд из погр.№150/к-13 (Рис.6, 20, 21) изготовлен из тонкого медного листа и по форме напоминает тазик. Он имеет плоское дно и расширяющиеся кверху стенки. Высота сосуда достигала 13, 5 см. На внешней поверхности сосуда имеются следы сажи. В погр.№141 находился преднамеренно смятый котёл сложной конструкции. Он имел слегка выпуклое дно, изготовленное из тонкого медного листа, и невысокие (до 10 см) стенки, выполненные из железной полосы. Стенки с дном были соедине-

ны заклёпками (Рис.6, 14-19). Близкие по форме и технике изготовления котлы, только полностью железные, известны по находкам из Маяков, Су-

хой Гомольши, Правобережного Цимлянского городища [Михеев, 1985, с.16; рис.11, 15; Плетнева, 1967, рис.39, 19, 19].

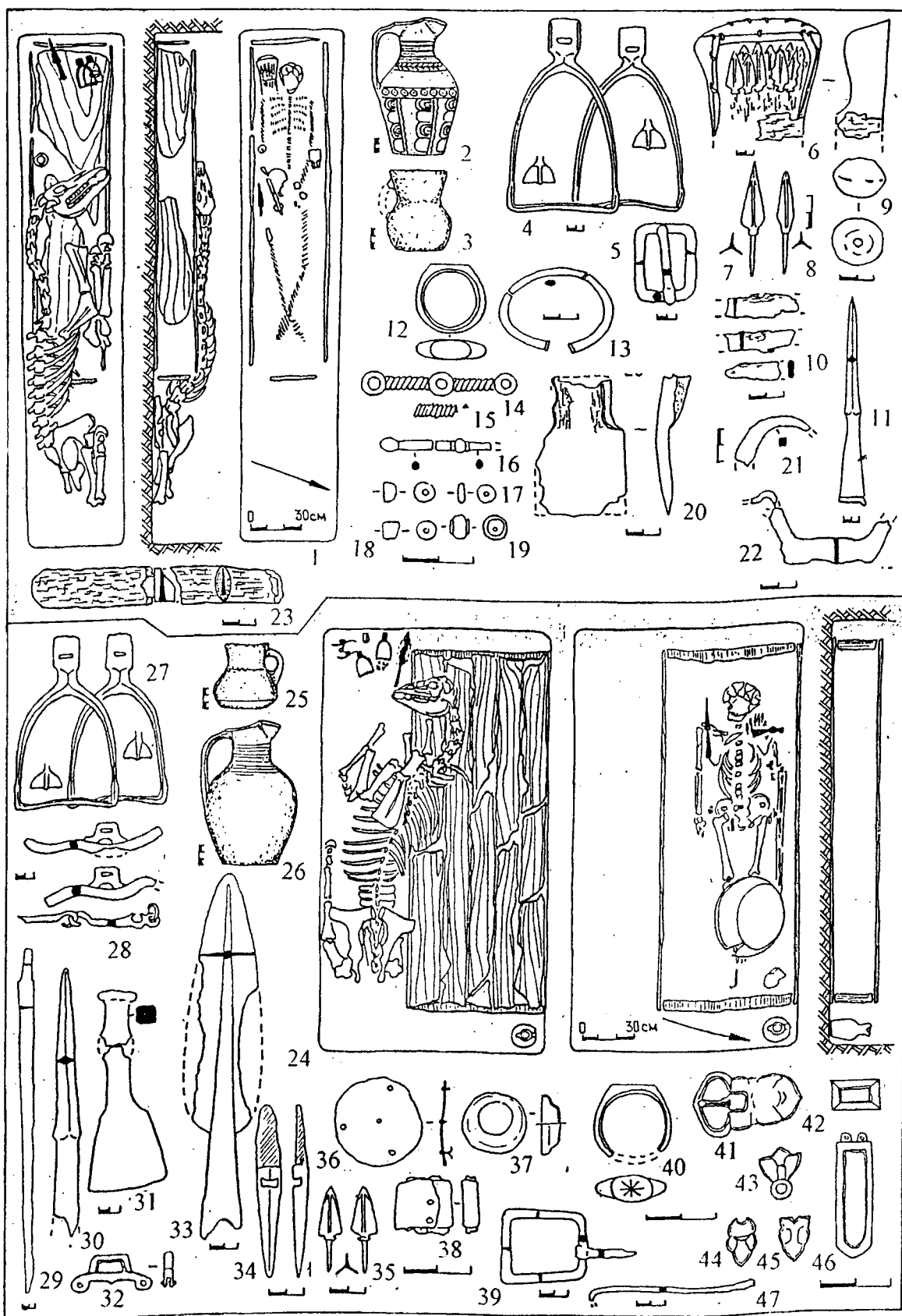

Рис.5. 1-23 – погр.№103/к-7; 24-47 – погр.№150/к-13.

Украшения представлены серьгами, браслетами, перстнями, бусами. Серьги найдены в семи могилах (№№33, 30, 41, 68, 141, 161, 207, 77/к-3). В двух могилах (№№ 68, 141) было найдено по две пары серёг. Все серьги литые и различаются между собой только оформлением подвески и колечка. Колечко у всех серег, за исключением серег из погр.№207, гладкое, овальное. В верхней части расположено небольшое шаровидное навершие. Колечко серег из погр.№207 в нижней части оформлено в виде цепочки из шариков (Рис.3, 36). Подвески серег представлены тремя разновидностями: "гроздь винограда" (Рис.1, 16, 27, 28; 2, 9; 3, 7); пирамида из трёх спаянных между собой различной величины шариков (Рис.4, 9); стержневидная подвеска с перехватами и шишечкой на конце (Рис.1, 6; 3, 36). Аналогичные серьги С.А. Плетнёва датирует концом VII – началом IX вв. [Плетнёва, 1967, с.142-143].

Браслеты обнаружены в погр.№№ 30, 68, 76, 141, 161, 207, 77/к-3, 103/к-7. Все браслеты бронзовые, изготовлены из дрота круглого или овального в сечении. Их концы обрублены либо слегка расширены. Подобные браслеты обнаружены на всех могильниках салтовской культуры.

Бронзовые перстни найдены как в мужских, так и в женских погребениях. Они встречались в могилах по одному (№№ 103/к-7, 150/к-13), по два (№ 161), по три (№205), по четыре (№ 77/к-3), по шесть (№ 30). Все они имеют отлитый или расплющенный щиток (Рис.1, 7-9; 2, 12, 13, 23-25; 4, 16, 17; 5, 12, 40). На одном из них отлиты крестообразно расположенные ложные лапки, которые имитируют крепление стеклянной или каменной вставки (Рис.4, 15).

Наиболее многочисленную категорию украшений составляют бусы. Они были обнаружены в захоронениях №№ 30, 68, 141, 161, 205, 297, 103/к-7. Основная масса бус представляет собой бисер различных цветов (Рис.1, 12, 33; 2, 15, 26; 3, 8, 21; 5, 17, 18). Менее многочисленны многочастные бусы золотистого или серебристого цветов (Рис.2, 16; 3, 9; 5, 19), бусы из сердолика шаровидной формы (Рис.1, 11, 34; 2, 27; 3, 8, 22). Единичными экземплярами представлены гранённые бусы синего стекла, граненные сердоликовые (Рис.1, 32, 35), цилиндрические сердоликовые и круглые полосатые (Рис.2, 17, 28; 3, 10. Аналоги данным бусам известны на памятниках всех локальных вариантов салтовской культуры.

Всего в двух погребениях (№№ 161, 297) были обнаружены бронзовые капоушки (Рис.2, 18; 3, 23). Обе капоушки относятся по классификации С.А. Плетнёвой к типу коромыслообразных с выделенной петлей на середине длины

и датируются второй половиной VIII – началом IX вв. [Плетнёва, 1989, с.157].

Предметы одежды представлены бронзовыми пуговицами-бубенчиками, литыми пуговицами, стерженьковыми застёжками (Рис.1, 5, 30; 2, 21, 31; 3, 26; 5, 16). Малое количество в погребениях пуговиц, бубенчиков, по мнению С.А. Плетнёвой, характерно для погребений второй половины VIII – начала IX вв. [Плетнёва, 1989, с.159].

Таким образом, совокупность приведенных аналогий, а также взаимовстречаемость категорий вещей внутри комплекса достаточно убедительно датируют инвентарь данных захоронений концом VIII – третьей четвертью IX вв.

Наличие крымской столовой посуды на лесостепных памятниках салтовской культуры бассейна Северского Донца, как нам представляется, не может рассматриваться исключительно как результат только торговых связей между городами Крыма и далеким северо-западным пограничьем Хазарского каганата. Логично предположить, что по мере приближения к центру производства количество и номенклатура изделий конкретного производственного центра должны возрастать, что не наблюдается в отношении крымской столовой посуды по салтовским памятникам Подончья и Подонья. В тоже время на салтовских памятниках лесостепных и степных районов встречено огромное количество фрагментов тарной (амфорной) керамики крымского производства [Красильников, 1999, табл. I]. Общее количество крымских столовых сосудов на салтовских памятниках лесостепи (Красная Горка, Червоная Гусаровка, Верхний Салтов, Нетайловка, Дмитриевка, Волоконовка) в несколько раз превышает количество подобных находок в степных районах (Крымский могильник). Если целесообразность доставки за сотни километров (более 800 км по прямой) какого-либо товара (вина, масла, нефти) в амфорной таре не вызывает сомнения, ввиду несомненной выгоды данной торговой операции, то перевозку на такое же расстояние не наполненных чем-либо столовых сосудов, объем которых колеблется от 0, 4 до 3 литров, вряд ли можно считать выгодной торговой операцией. Учитывая относительную хрупкость такого товара, наличие у салтовского населения лесостепных районов своей достаточно качественной столовой посуды, огромные транспортные затраты трудно предположить, что крымская столовая посуда могла найти широкий рынок сбыта. Это не относится к таким изделиям как керамические фляги, которые изготавливались в мастерских Крыма и Тамани специально для степного населения и, вероятно, для воинов-всадников Хазарского каганата.

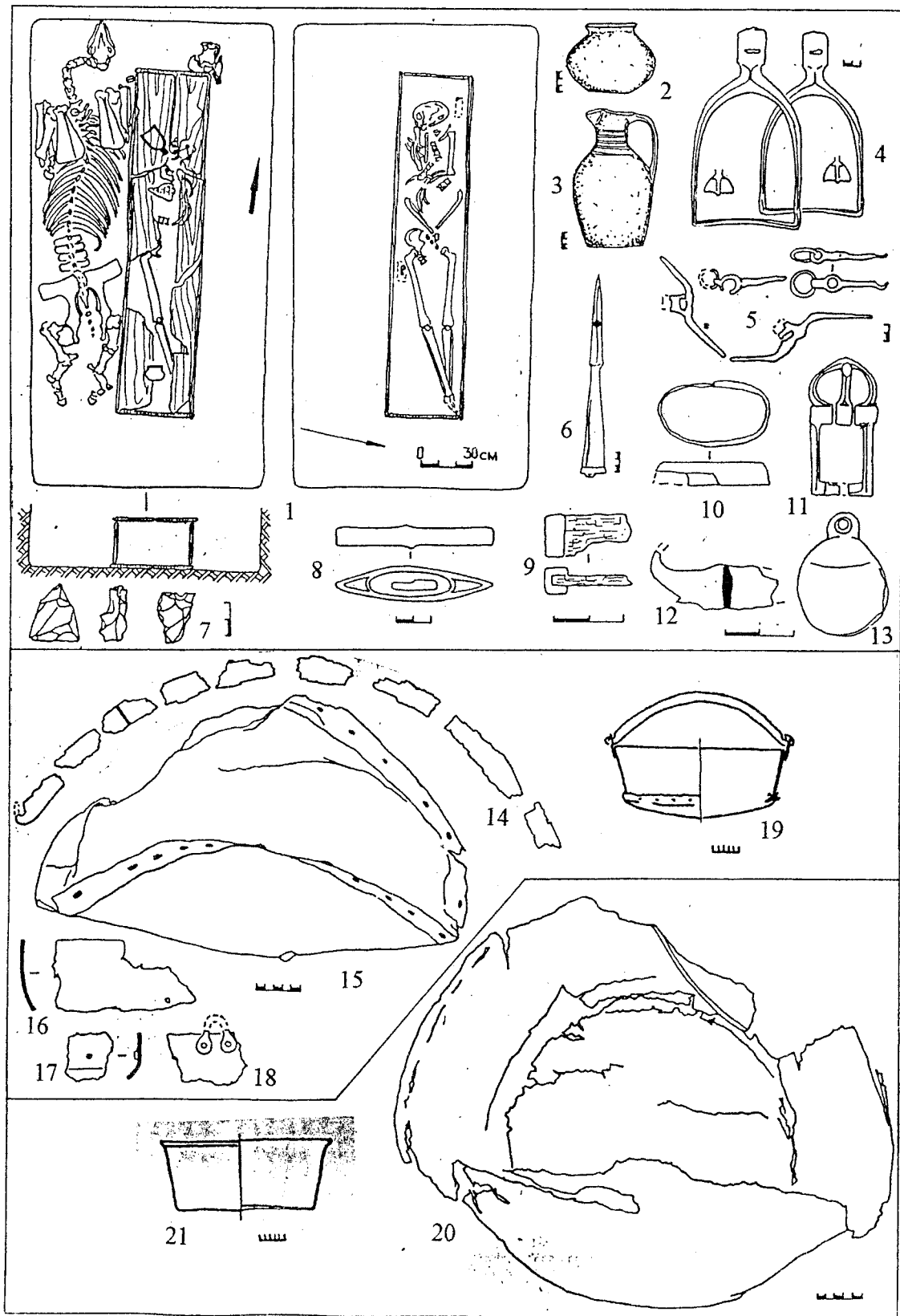

Рис. 6. 1-13 – погр. № 219/к-20; 14-19 – котел из погр. № 141; 20, 21 – котел из погр. № 150/к-13.

Учитывая все выше сказанное, а также время функционирования могильника Красная Горка – конец VIII – третья четверть IX вв. [Аксенов, 1999, с.120-123; Комар, 1999, с.133], – можно предположить, что данный могильник оставлен салтовским

населением пришедшим в лесостепь из близких к Крыму районов. Это население и принесло с собой крымскую столовую посуду, которая уже здесь, в лесостепи, постепенно исчезает из обихода (бьется, ставится в могилы) и заменяется изделиями

местных гончаров [Аксенов, Михеев, 1998, с.351-352]. Можно также допустить, что сосуды крымского производства оказались в погребения представителей тех семей Красногорской общины, которые продолжали периодически откочевывать в степные районы и, следовательно, имели возмож-

ность лично приобретать изделия крымских мастеров. Материалы рассмотренных погребений свидетельствуют о сложном характере материальной культуры и этнической неоднородности населения верхнего течения Северского Донца в эпоху раннего средневековья.

Литература

Абрамова М.И. 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. №2.

Аксенов В.С. 1999. Похоронения з конем другої половини VIII – IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників). Дис. ... канд. іст. наук. Харків.

Аксенов В.С., Воловик С.И. 1999. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. №3-4.

Аксенов В.С., Михеев В.К. 1998. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.

Альбаум Л.И. 1975. Живопись Афрасиаба. Ташкент.

Въжарова Ж.Н. 1976. Славяни и прабългари (на данни на некрополите от VI-XI в. на територията на България). София.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964. Ранние болгары на волге. М.

Дмитриев А.В. 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып.158.

Измайлов И.Л. 1989. Оружие ближнего боя болгар VIII-X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.

Казаков Е.П. 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Поволжья. Казань.

Каминский В.Н. 1986. Воинское снаряжение раннесредневековых племен Северо-Западного Кавказа // Культура и быт адыгов. Махачкала.

Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ. Е 1-36.

Кирпичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л.

Комар А.В. 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. №2.

Красильников К.И. 1999. Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // Vita antiqua. №2.

Крыганов А.В. 1987. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII-X вв. Дис. ... канд. ист. наук. Харьков.

Крыганов А.В. 1987а. Кистени салтово-маяцкой культуры // СА. №2.

Крыганов А.В. 1989. Восточноевропейские кочевнические удила VII-X вв. // Вестник ХГУ. №342.

Кухаренко Ю.В. 1951. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИ-ИМК. Т.XLI.

Кюрти Б. 1984. Об азиатском происхождении одного типа аварских колчанов в Карпатском бассейне // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово.

Минаева Т.М. 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.

Михеев В.К. 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.

Михеев В.К. 1986. Сухогомольшанский могильник // СА. №3.

Михеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. 1973. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. №9.

Пархоменко О.В. 1983. Похоронный инвентарь Нетайлівського могильника VIII-IX ст. // Археологія. №43.

Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. №146.

Плетнева С.А. 1981. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска – Преслав. Т.2. София.

Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Саханев В.В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 г. // ИАК. Вып.56.

Симонова Е.Н. 1976. Новый могильник позднеаварского времени в области Шомодь // СА. №1.

Тарабанов В.А. 1983. Средневековый могильник у аула Казазово // Проблемы археологии и этнографии. Вып.2. Л.

Флеров В.С. 1990. Маяцкий могильник // Маяцкий археологический комплекс. М.

Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.